
**СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ
XIX И XX СТОЛЕТИЙ.
НАСИЛИЕ — КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ**

Г.И. Коларов

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье исследуются проблемы латиноамериканской политической жизни, общее и специфическое в ее традиции. Специальное внимание уделяется проблеме насилия, которая присутствует во всех аспектах жизни латиноамериканских обществ, во всех латиноамериканских государствах.

Ключевые слова: революция, насилие, война, партизанская война, демократия, прогресс, партия, государство, страна, власть.

В XIX столетии и до начала 1990-х гг. в латиноамериканском регионе отсутствовала солидная демократическая традиция. В нем укоренилась традиция авторитарного сознания, которая проявляется по-разному. Оно складывается на основе привычки к подчинению, обычной для традиционного общества. Его главная особенность — страх и покорность перед начальником, хозяином, патроном, верховным правителем.

Другая особенность авторитарного сознания — это перенос представлений об авторитете, власти, общественном благе и справедливости на конкретную личность и упование только на нее в надежде на благополучие и процветание общества.

В первой половине XX в. такое сознание характеризовало большинство латиноамериканского населения и определило специфику всех популистских движений и авторитарных режимов. Именно на его основе потом строились латиноамериканские диктатуры.

В этих странах народные массы стали приобретать политическую значимость и формировать национальное самосознание. В них политическая интеграция запаздывала, и основополагающие демократические институты формировались сложным и противоречивым образом.

В большинстве случаев латиноамериканские народы испытали на себе все разновидности авторитарного управления — колониальное, милитаристическо-олигархическое, коммунистическое, популистское. Поэтому популистские, националистические и даже левые идеологии и движения приобретают авторитарный характер. Авторитаризм в значительной степени является отражением испанской политической традиции с характерным для нее абсолютизмом, а также специфической ролью армии, «каудилизмом» некоторых политиков.

Авторитарные режимы в Латинской Америке основаны на этатизме и на отбрасывании основополагающих демократических ценностей, гражданских прав и свобод.

С другой стороны, сами того не желая, режимы втягивают народ в государственную жизнь и таким образом делают из него активного участника в политике, автора и актора истории. У него начинает формироваться политическое сознание и изначально упрощенно-поверхностный взгляд на причины социального неравенства и эксплуатации. Существующее социальное зло приписывается действию конкретных сил, на которых сваливается злость и месть социальных групп и индивидов, чувствующих себя бесправными. Спонтанность этих действий связывается с поисками быстрого решения проблем, поэтому руководство этого типа социальных движений, как правило, попадает в руки радикально настроенных лидеров, которые в состоянии манипулировать массами.

Любой харизматический вождь может переплести элементы разных идеологий типа социализма или национализма в любых соотношениях, чтобы создать атмосферу коллективного энтузиазма, мобилизовать массы и поддерживать контроль за ними. Это возможно, если его идеология отражает их непосредственные, стихийные требования в сторону распределительной справедливости, в сторону быстрых решений социально-экономических проблем.

Авторитарный характер режимов усиливается и их политикой в отношении средних слоев, структурным кризисом и опасностью революции, потребностью индустриализации и сильным североамериканским нажимом.

В таких условиях факторы, которые в других странах и регионах являются основой демократического развития, в Латинской Америке играют противоположную роль.

Примером в этом отношении являются либерально-демократические нормы, заложенные в конституциях; такие признаки представительной демократии, как выборы, разделение властей, повсеместное употребление либеральной фразеологии. Эти нормы не всегда являются результатом защиты интересов широких масс, не являются их завоеванием. Поэтому олигархия не испытывает ни моральных, ни эмоциональных предрассудков, когда меняется существующий порядок. В то же время она и другие привилегированные слои жизненно заинтересованы в его сохранении, поскольку только он может гарантировать их социальный статус.

Они воспринимают псевдодемократические лозунги как свою официальную идеологию, которую противопоставляют реформистским и революционным теориям разного направления. Эти нормы становятся гарантом их гегемонии.

Латиноамериканские исследователи называют это общество «демократией привилегированных». И каждое социальное движение, направленное против нее, неизбежно воспринимается как бунт против основных принципов и норм представительной демократии, тем более что его могут возглавить лица с высоким уровнем доходов и образования, недовольные своим статусом, накопившие протест и стремящиеся к переменам. Они угрожают социальной стабильности, потому что используют любую возможность, чтобы отомстить обществу.

Это относится как к экстремистским, так и к действительно демократическим, антидиктаторским движениям. По этой причине очень часто на место одной диктатуры приходит другая, созданная противниками старой.

До середины XX в. по-настоящему заинтересованы в демократических переменах были только интеллигенция и средние слои.

Однако в 60-е гг. среди них наступает значительная поляризация.

Часть становится левоориентированной, считая демократический фасад режимов умелым прикрытием эксплуатации, и включается в революционное движение.

Другая часть, настроенная консервативным образом, выступает против демократического порядка и рассматривает его как фактор дестабилизации, затрудняющий борьбу с революционной опасностью. Поэтому в латиноамериканских странах долгое время наблюдаются постоянные замены авторитарно-популистских режимов правыми военными диктатурами. Они приходят в ответ на революционную опасность и необходимость в индустриализации, маскируя себя демократическим фасадом.

Латиноамериканское общество в определенной степени содержит в себе европейскую политическую традицию, перенесенную из Испании и Португалии. Она влияет на характер диктатур (которые ни в одном случае в XX в. не доходят до тоталитаризма) и на деятельность оппозиции и гражданского общества в целом. Экономическая ситуация и углубление социальных противоречий все-таки вели к кризису либерального реформизма в 70-х гг. и к укреплению авторитарной тенденции.

В 1976 г. две трети стран региона были под властью военных диктатур. Тогда именно появляются и первые кризисы. Общественное мнение начинает проявлять исключительный интерес к проблеме демократии и прав человека. Наступает революционный взрыв в Латинской Америке, который объединяет в одно целое антиавторитарную, антиимпериалистическую и антикапиталистическую борьбу.

В Чили и Никарагуа состоялись первые попытки построить социалистическое общество в условиях политического плюрализма. Центральноамериканские события ведут к осознанию со стороны южноамериканских диктаторов необходимости постепенной, контролируемой либерализации режимов, которая приобретает большие масштабы в первой половине 80-х гг.

Именно тогда коренным образом меняется соотношение между авторитарной и демократической тенденциями в регионе.

В основании этой перемены лежит повсеместный социально-экономический и структурный кризис, который охватил регион, а также резкое усиление всех видов оппозиционных движений.

Кризис уничтожает легитимность авторитарных режимов в массовом сознании, так как они уже не в состоянии обеспечивать стабильность в достаточной степени. По той же причине у транснациональных корпораций тоже нет интереса их поддерживать.

Развитие событий в ряде стран приближается к революционной ситуации, революционные силы в большей степени оказывают особое влияние на общество. Таким образом, дошло до лозунга «Демократия без прилагательных», в противовес «народной» или «национальной» демократии. Отступление режимов не создает опасности для господства олигархии и не сопровождается усилением позиции

левых, как можно было бы ожидать. Демократия не успела решить самые важные проблемы латиноамериканского общественного развития — зависимость от США и социальные реформы.

Процессы дезинтеграции в этих странах продолжаются и вместе с экономическим кризисом создают благоприятные условия для развития левого экстремизма в Перу и Колумбии и стихийных «голодных» бунтов в ряде стран региона.

В революционные движения входят как чистые и бескорыстные идеалисты, так и отчаянные фанатики, ведомые ненавистью. Общее между ними — это убеждение, что революция является более важным делом, чем элементарные нормы морали. Они происходят как из маргинальных, так и из средних слоев, которые являются движущими силами национально-демократических революций.

Эти революционные движения утверждают, что борются за социализм разного толка — национальный, демократический, кооперативный, христианский, третьемирский и т.д.

Однако даже борцы за демократический или христианский социализм пытаются дойти до него насильственным путем.

Дело доходит до того, что некоторые марксистско-ленинские партии, включая носителей ленинской и коминтерновской традиций, начинают видеть в ультра-левых организациях основную помеху для проведения своей политики.

Эти партии успевают интегрироваться в политическую систему и в большей степени не выражают интересов той части своей естественной социальной базы, которая из-за условий жизни и труда не имеет реальной возможности отстаивать свои права. Речь идет о маргинализованных слоях, которые симпатизируют, прежде всего, левым экстремистам. В этом случае марксистские партии, потерявшие доверие со стороны своей социальной базы, превращаются в партии-фантомы. Такими являются, например, Никарагуанская социалистическая партия, вошедшая в союз с Национальным оппозиционным союзом Виолетты Чаморо, и Аргентинская коммунистическая партия, подкрепившая военную диктатуру.

Так как подобные партии видят свою основную задачу в борьбе с демократией, они подталкивают другие левые силы отбросить демократию вообще, кроме «социалистической», и встать на путь воинственного фанатизма, как «Сендеро Луминосо».

Эти марксистские партии, которые успевают сохранить свое влияние на отброшенные государством социальные группы, остаются в достаточной степени авторитарными и заключают эффективные союзы с другими политическими силами, не гнушаясь давать дополнительную поддержку правым социально-экономическим проектам, чья реализация связана с проявлениями частичного и массового насилия.

Его интенсивность зависит от характера задач, связанных с этапом исторического развития, на котором находятся отдельные страны. Например, в Перу и в Колумбии политическое насилие в большей степени обуславливается контрастом между высокоразвитой промышленностью и крайней отсталостью сельского хозяйства.

В Латинской Америке все еще существует возможность для революционных перемен, сопровождаемых вспышкой насилия и радикальными социальными реформами.

Многие вожаки революционных левых скептически оценивают либерализацию режимов и восстановление конституционных норм, обоснованно указывая на застой и деградацию экономики, рост внешнего долга, растущую маргинализацию, моральный кризис в обществе. На сегодняшнем этапе латиноамериканские левые силы не могут рассматриваться под общим знаменателем. Очень часто у них есть противоположные точки зрения по главным вопросам современности и они даже воюют в некоторых странах, например, таких, как Перу и Колумбия.

Особое место в латиноамериканской народной психологии занимает политическое насилие.

Оно определяет взгляд на мир латиноамериканца, его восприятие политики, оценок альтернатив эволюционного развития, фаталистический взгляд на неизбежность репрессий и порожденного ими революционного насилия масс. Он не может понять политику по-другому, кроме как организацию и систему приложения насилия в условиях антагонистических социальных отношений.

В его понимании политическое насилие эмпирическим образом связано с существованием и консолидацией частной собственности и ее проявлениями в специфических формах государственной власти.

Так как политика — органическое выражение экономических интересов данного класса, политическое насилие — средство реализации социально-экономических проектов.

Двумя словами, в антагонистической общественной формации противостоящие социальные классы, оспаривающие власть, интерпретируют акты насилия таким образом, чтобы оправдать себя и скомпрометировать противников.

Во всех случаях насилие остается основным средством приложения власти. Именно политическое насилие обуславливает процесс трансформаций и определяет границу качественных перемен в обществе.

Однако надо иметь в виду, что политическое насилие является не только путем для достижения перемен, а также средством для стабилизации общества.

Масштабы насилия в Латинской Америке выше возможностей европейского сознания воспринять их. Там политические и моральные нормы в огромной степени впали в патологию, и не хватает интеллектуальных санкций против политического насилия как средства решения социальных противоречий.

Необходимо подчеркнуть, что в этом регионе из процесса принятия решений исключены целые социальные слои, а иногда и большинство населения.

Преобладающая тенденция в дефинициях насилия — это то, что насилие является деструктивным актом, чьи цели, жертвы или обстоятельства осуществления имеют политическую значимость, поскольку они направлены на модификацию поведения других в определенной ситуации так, чтобы эта модификация имела последствия для социальной системы. В зависимости от объекта насилия или с точки зрения оценивающего субъекта акты насилия можно оценивать как спра-

ведливые или несправедливые. Все зависит от степени терпимости данной культуры к насилию, от степени его отрицания этического кодекса, утвержденного в рамках этой культуры. Это относится и к принятию легитимности насилия как средства решения политических конфликтов либо как средства политического действия.

Аргентинский социолог и политолог Торкуато Ди Телья связывает применение политического насилия и механизм «спонтанного протеста» [14. С. 58]. Он считает, что широкие массы людей обычно относятся индифферентно к социально-политической проблематике. Однако, когда общество выходит из состояния равновесия, тем более если у него отсталая экономика и устаревшие политико-административные структуры, люди выходят из состояния апатии и срабатывает механизм «спонтанного протеста» [14. С. 60, 63].

Этот протест выражается в «неконтролируемых агрессивных действиях и склонности к насилию по отношению к конкретным лицам и социальным группам, которых восставшие массы считают виновными в ухудшении своего положения.

Чаще всего они обращаются против „богатых“, „чужаков“» [14. С. 62].

Поскольку «спонтанный протест» имеет в основном эмоциональные характеристики, он легко попадает под контроль авторитарных и тоталитарных вождей или демагогов, которые вместо того чтобы противопоставить эмоциям разумные аргументы, способствуют разжиганию страстей. Путем манипуляций такого типа латиноамериканские диктаторы легче добиваются осуществления своих планов.

Латиноамериканские диктатуры строятся и держатся на политической репрессии. Они не могут существовать без мер принуждения и контроля над массами.

Однако они иной раз получают искреннюю поддержку со стороны части населения, иногда даже большинства.

Это достигается путем административных, экономических, внутренне- и внешне-политических реформ. Однако когда они сопровождаются институционализированным насилием, оно неизбежно получает свой ответ в форме народного насилия.

Социально-политическое противопоставление между народными массами и авторитарной властью и, прежде всего, между революционными силами и репрессивным аппаратом является отличительной чертой эпохи революционных кризисов. Сущность этого противопоставления дает возможность проследить эволюцию военных диктатур.

От выяснения их сущности можно перейти к обоснованию конкретной практической деятельности и тактики политической борьбы левых сил.

Современный подход требует преодолеть стереотипы теории «фашизации» латиноамериканских военных диктатур.

Надо признать, что эта теория сыграла значительную роль для мобилизации международной общественности против репрессий диктаторских режимов региона и для поддержки борьбы левых и других демократических сил.

Одновременно тезис «фашизации» из-за устаревших представлений о правом авторитаризме становится «помехой» для его научного осмысления.

Вывод о «фашистском» характере латиноамериканских диктатур сделан ошибочно только на основании некоторых сходств с диктаторскими режимами в Германии, Италии и Испании во времена правления Гитлера, Муссолини и Франко (например, партия фашистского типа).

Принимая теорию «фашизации», левые силы в большой степени ограничивают круг средств борьбы с диктатурами, поскольку они, таким образом, игнорируют их социальную сущность, политические особенности, признаки, организации. Таким образом, полностью опровергается существующая в тот момент политическая система и все политические силы, функционирующие в ее рамках, в том числе борющиеся с диктатурой легальными средствами.

В результате получается самоизоляция левых, сильное ограничение их влияния.

Это, кстати, является одной из основных целей военных режимов.

Их самая важная задача — это перестройка и модернизация основных структур и отношений в обществе с целью обеспечения устойчивых взаимоотношений между институтами, тесно связанными с транснациональным капиталом империалистических гигантов и с модернизованными периферийными обществами, которые приобрели способность своими силами и с внешней помощью генерировать средства, способы, инструменты сохранения, укрепления и защиты своих позиций.

Благодаря военным диктатурам латиноамериканские консерваторы и олигархия пытаются преодолеть общее отставание, хронические экономические и валютно-финансовые проблемы, гарантировать быстрый экономический прогресс и процветание и решать на этой основе главные социальные проблемы своих стран. Именно неуспех этих действий (вопреки бесспорным достижениям, особенно в Бразилии и Чили) привел к массовому народному сопротивлению и, в конце концов, к свержению правоавторитарных диктатур. Против них повернулись как демократические, так и революционные политические силы.

Именно здесь резко очерчивается граница между тоталитарными фашистскими режимами и авторитарными латиноамериканскими диктатурами. Были бы они тоталитарными, их бы никогда не свергли мирные, демократические революции.

Практический опыт как тоталитарных, так и авторитарных режимов в XX в. и безвыходность пути, к которому они привели, лишний раз подчеркивает ценность демократии. Во всех своих формах и разновидностях она противостоит тоталитаризму, с характерными для него политическими репрессиями и институциональным насилием.

Появилось типичное латиноамериканское явление — «эскадроны смерти», созданные диктаторами. Они породили свою противоположность — разного типа акции леворадикальных организаций — диверсии, конфискации, теракты, взятие заложников.

Сопротивление народа репрессивным режимам и олигархическим кликам, упорно отстаивающим свои привилегии всеми средствами, являются важнейшим двигателем общественного прогресса в сторону гражданского общества, в противовес авторитаризму.

Этатизм и анархизм являются полюсами политического пространства, идентифицирующими политические силы как правые и левые. Чем они ближе к этатизму, тем больше оснований определять их как правые, или, соответственно, левые, если тянут к анархизму. С другой стороны, в условиях революции анархия сочетается с диктатурой и авторитаризмом.

Тогда и революционные политические силы исходят из национальных интересов так, как они их понимают. Они стремятся как можно скорее и с меньшими потерями вырваться из переходного периода и достичь стабильного состояния общества, где выбранная модель общественного развития может развиваться более полно и всесторонне.

Используемые для этой цели средства и методы определяются социальной природой режима. Так или иначе, они включают разные формы диктата.

Конкретно, право-авторитарные режимы часто предлагают социально-экономический и политический террор и иногда даже регулируют все сферы и стороны общественной жизни, поведения человека в обществе, например, в Парагвае, Чили, Никарагуа, Гаити, Сальвадоре, Гватемале и других странах.

Подобные прецеденты, однако, бывают и во времена правления левоавторитарных режимов, как, например, репрессии сандинистов в отношении индейцев мискитос.

Многообразие революций определяется спецификой конкретных условий, соотношением сил и национальных традиций. Во всех случаях, однако, есть объективные общественные противоречия, которые нельзя разрешить другим путем, кроме как насильственным. Это означает, что общество достигло особого предреволюционного состояния, которое Ленин называет «революционная ситуация» — когда «верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому».

Это состояние может быть коротким, однако может выразиться и в продолжительной гражданской войне. Оно обычно следует за долголетней классовой борьбой, и для взрыва политического насилия иногда хватает одной искры.

Социальное возбуждение, экзальтация, стремление к активным действиям, даже без ясного представления о конечной цели, толкает массы в бой и увлекает в революционную стихию все новых и новых людей. Этот процесс становится тяжело управляемым, и каждая ошибка руководства может привести к потере контроля над массами и устранению от главного течения революции. Дело в том, что, как подчеркивает виднейший российский исследователь популизма в Латинской Америке Ольга Докучаева, «идейно-политической основой таких движений является упрощенно-вульгарный, скорее эмоциональный, чем рациональный взгляд на мир, довольно типичный для массового сознания отсталых стран.

Интегрирующим фактором этих движений является не столько четкое понимание его участниками своих реальных интересов, сколько фермент протеста, неприятие существующего социального порядка. Социальную опору популистских движений обычно составляют категории населения с низким уровнем доходов (полупролетарские, пролетарские, крестьянские, средние городские и маргинальные слои), экономическое положение которых крайне неустойчиво, особенно в кризисные периоды» [3. С. 42].

Ольга Докучаева перечисляет следующие характерные черты популистских движений в Латинской Америке:

— авторитарный, традиционалистский тип сознания участников, проявляющийся в иррациональной вере в лидера, готовности подчиняться ему в обмен на его обещания исполнить требования своих сторонников, а также в авторитарном

стиле руководства самих популистских лидеров, особенно в случае их прихода к власти;

— идеология этих движений разрабатывается лидерами и обычно финансируется ими; ее особенности — эклектика, концептуальное фокусничество, упрощенно-поверхностный подход к общественным реалиям, поиск «простых» решений сложных социальных проблем;

— идеология популистских движений важна не конкретным ее содержанием, а служит для их руководителей инструментом мобилизации сторонников и контроля над ними;

— в политической практике для этих движений характерно враждебное отношение к конкурентам, нежелание признавать себя лишь частью плюралистического целого, пренебрежение к процедуре выборов как средству получения и передачи власти;

— популистские правительства чаще всего (но не всегда) реализуют стратегию, нацеленную на обеспечение командной роли исполнительных структур государственной власти в экономической, социальной и политической жизни общества [10. С. 113—114].

Для каждой революции характерно противоречие между ее целями и средствами их достижения. Чтобы покончить раз и навсегда с насилием, революция сама прибегает к насилию, что всегда оценивается негативным образом определенными социальными слоями, даже и такими, у которых прогрессивная ориентация. Таким образом, появляется конфликт между революционерами и этими слоями, которые рано или поздно переходят на сторону контрреволюции либо превращаются в наблюдателя. Однако против насилия старой власти нельзя не применить революционное насилие.

В этом плане являются показательными тезисы французского левого радикала Режи Дебре, представленные в его фундаментальной работе «Революция в революции». Они сводятся к следующему.

1. Вооруженная борьба является высшей и единственной революционной формой борьбы.

2. В Латинской Америке будет социалистическая революция, однако ее будет осуществлять крестьянство и люмпен-пролетарские группы, руководимые студентами и интеллигенцией.

3. Коммунистические партии утонули в оппортунизме и не в состоянии возглавить революцию и организовать вооруженную борьбу.

4. Повстанческая армия, а не партия в состоянии стать политическим авангардом революции, ядром на самом деле революционной новой партии (См.: [13]).

В дальнейшем анализе латиноамериканской революционной практики эти принципы нуждаются в дополнительном освещении и верификации.

Сегодняшние кризисы в Латинской Америке реализуют две формы отрицания — сопротивление и реакцию. От сапатистского восстания вплоть до бунта в Боливии сопротивление населения предстает как деструктивный элемент и в то же время открывает разнообразные возможности для будущего.

Латиноамериканские кризисы — это если не политические революции, то настоящие бунты. Эти разнообразные революции решают такие проблемы, как самоуправление естественными ресурсами, перспективы нового материального производства, которые по-новому расставляют акценты в производстве стоимости. Отрицание в Латинской Америке порождает разрушительную стихию.

Как правильно отмечает украинский политолог Леонид Савин, «Латинская Америка для европейского сознания является далекой периферией, где происходят странные и подчас непонятные процессы. Подобный европоцентризм подчас негативно отражается на геополитическом мышлении, так как на мировой шахматной доске нужно учитывать все фигуры, несмотря на их отдаленность» [11. С. 4].

Он указывает, что «при учете процессов глобализации и необходимости оперативного взаимодействия со всеми игроками международной политики, важность стран Латинской Америки многократно возрастает» [11. С. 6].

По его мнению, «с 90-х гг. прошлого века, частично благодаря появлению новых информационных технологий, в Латинской Америке был отмечен всплеск социальных движений, в основном левого направления» [11. С. 6]. Именно он дал начало континентальному явлению, называемому «левый поворот», который поменял соотношение сил в мировом масштабе, отправил вызов великому северному соседу и другим мировым полюсам силы, в том числе и Российской Федерации. Как сказал год тому назад самый известный латиноамериканский политик за последние 50 лет Фидель Кастро, «в этот момент перед человечеством серьезные, беспрецедентные проблемы. Самое худшее, что в большой степени решения зависят от самых богатых и развитых стран, которые окажутся в положении, когда действительно будут не в силах ему противостоять, без того чтобы обрушился мир, который они пытаются вылепить в угоду своим эгоистическим интересам и который неизбежно идет к катастрофе» [15. С. 1].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Давыдов В.М. Левая альтернатива в Латинской Америке — обусловленность, основные ориентиры и международная проекция. — М., 2007.
- [2] Давыдов В.М. Цивилизация и цивилизационная идентификация. — М., 2006.
- [3] Докучаева О.Н. Концепция латиноамериканского популизма в трудах Т. Ди Тельи // Вестник Московского государственного университета: серия История. — 1996. — № 3.
- [4] Кардозу Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. — М., 2002.
- [5] Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации / Отв. ред. М.Л. Чумакова. — М., 2009.
- [6] Латинская Америка: проблемы модернизации в контексте устойчивого развития. — М., 2007.
- [7] Мартынов Б.Ф. Безопасность: латиноамериканские подходы. — М., 2000.
- [8] Мартынов Б.Ф. Стратегия и тактика антитеррористической борьбы России с точки зрения ее имиджа в странах Латинской Америки. — М., 2006.
- [9] Перспективы развития Латинской Америки в глобализирующемся мире. — М., 2003.
- [10] Россия и ибероамериканский мир. Горизонты развития и сотрудничества. — М., 2006.
- [11] Савин Л. Парадигмальные сдвиги в Западном полушарии // Геополитика. — 2011. — Вып. V.

- [12] Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза. — М., 2002.
[13] *Debrov R.* Revolucion en la revolucion. — La Habana, 1969.
[14] *Di Tella T.* El sistema politico argentino y la clase obrera. — Buenos Ayres, 1964.
[15] Granma La Habana, 2011.

**THE SPECIFICITY OF POLITICAL TRADITION
OF LATIN AMERICA DURING XIX AND XX CENTURIES.
VIOLENCE AS THE KEY PROBLEM
OF LATIN AMERICAN POLITICAL LIFE**

G.I. Kolarov

The Department of Political Science
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

In this article the problems of Latin American political life, the common and the specific in its tradition are investigated. Special attention is paid to the problem of violence, which is presented in the life of all Latin American societies, in all Latin American states.

Key words: revolution, violence, war, guerilla, democracy, progress, party, state, country, power.